

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.2.16>

UDC 343.2

LBC 67.408

PRECONDITIONS OF FORMING A SUBTHEORY OF SECRECY IN CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

Nikolay V. Pavlichenko

Russian MVD Administration Academy, Moscow, Russian Federation

Introduction: in the modern conditions the domestic jurisprudence does not meet the practice's requirements and is far behind the achievements of foreign scientific schools in the understanding of the essence of secrecy in crime detection and investigation. The reason lies in the absence of a subtheory of secrecy, whose basis should be formed by the logically interconnected system of scientific concepts and judgments, describing secrecy as a legal category, in relation to the operational search and criminal procedure activities. **Methods:** the study is based on the dialectical methodology, revealing the unity of an object in its complex diverse manifestations. The scientific novelty of the research is determined by the range of the analyzed problems which are complex for the operational search and criminal procedure activities. **Results:** on the basis of the analysis of the normative legal acts and law enforcement practice it is proved that the methods of ensuring secrecy in operational search and criminal procedure activities have the same nature and are based on hiding the restricted information (masking, legendizing, encryption, etc.) from stakeholders. **Conclusions:** the procedural and tactical issues of achieving secrecy in the operational search activity and criminal proceedings have a common methodological basis. The author substantiates the necessity of creating a subtheory of secrecy in crime detection and investigation which is relevant to the scientific community and practitioners, on whose basis the legislative process and investigative practice should be developed effectively.

Key words: operational search activity, criminal procedure, subtheory of secrecy, detection, investigation, conspiracy, masking, legendizing, encryption.

УДК 343.2

БКК 67.408

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ НЕГЛАСНОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Николай Владимирович Павличенко

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

Введение: отечественная юридическая наука в современных условиях не отвечает на запросы практики и существенно отстает от достижений зарубежных научных школ в понимании сущности негласности раскрытия и расследования преступлений. Причина кроется в отсутствии частной теории негласности, основу которой должна составить логически взаимосвязанная система научных понятий и суждений, описывающих негласность как правовую категорию применительно к оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. **Методы:** исследование опиралось на диалектическую методологию, раскрывающую единство объекта в его сложных многообразных проявлениях. Научная новизна исследования определяется

кругом анализируемых проблем, носящих комплексный характер для оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. **Результаты:** на основе анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики доказано, что методы обеспечения негласности в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности имеют единую природу и основываются на сокрытии от заинтересованных субъектов информации ограниченного распространения (маскировка, легендирование, зашифровка и т. п.). **Выводы:** процедурно-процессуальные и тактические вопросы достижения негласности в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе имеют общую методологическую основу. Автором обоснована необходимость создания адекватной для научного сообщества и практических работников частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений, на базе которой должны эффективно развиваться законотворческий процесс и оперативно-следственная практика.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, частная теория негласности, раскрытие, расследование, конспирация, маскировка, легендирование, зашифровка.

Введение

Чуть более 25 лет прошло с момента принятия первого в современной России закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», в котором впервые открыто говорилось о том, что государственные органы и оперативные подразделения могут осуществлять свою деятельность не только гласно, но и, что самое важное, негласно [14]. Данный посыл нашел свой дальнейший отклик и развитие в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее – закон об ОРД), который провозгласил, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством оперативно-розыскных мероприятий, и определил, что они могут осуществляться как гласно, так и негласно (ч. 1 ст. 15 закона об ОРД).

Между тем развитие правовой мысли, изменение подходов в борьбе с преступностью, а тем более трансформация самой преступной деятельности позволяют говорить, что негласность уже не является исключительной категорией оперативно-розыскной деятельности [12, с. 22]. Уверенно можно заявлять о том, что негласность как форма сокрытия информации от заинтересованных лиц, противодействующих расследованию преступлений, активно используется в смежных видах юридической практики. Так, Я.М. Мазунин в своей работе, посвященной введению результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания, отмечает: «анализ процесса предварительного расследования свидетельствует о том, что данному виду деятельности присущ как гласный, так и негласный характер. Например, при производстве

наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре и выемке (ст. 185 УПК РФ), контроле и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ) лица, в отношении которых проводятся названные следственные действия, не знают об их осуществлении, то есть по своему содержанию они носят негласный характер» [11, с. 61]. Я.М. Мазунин в очередной раз подтверждает, что в современных условиях без негласного производства по уголовному делу эффективное расследование преступлений просто невозможно (см.: [10, с. 86]). Данный посыл находит свое воплощение и в работах М.С. Колосович, которая убедительно доказывает наличие в деятельности следователя признаков негласного производства. При этом, подходу комплексно к проблеме, под последним она понимает всю деятельность по уголовному делу (оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную), обладающую признаками секретности и конфиденциальности [7].

Безусловно, это не общепринятая позиция, даже запрос в Интернете «негласность в уголовном процессе» рассматривается исключительно как «гласность уголовного судопроизводства». Отдельные ученые-процессуалисты, признавая наличие в уголовно-процессуальном законодательстве норм, ограничивающих «открытость» расследования, считают, что «открытость и прозрачность предварительного следствия обусловят функционирование принципа состязательности и равноправия сторон на данной стадии уголовного процесса; избавят следователя от различного рода влияния со стороны заинтересованных лиц на принятие им решений в ходе осуществления следствия, и он действительно приобретет статус процессуально независимой

фигуры; гласность поможет в равной мере охранять права как потерпевшего, так и обвиняемого, существенно уменьшить масштабы коррупции в органах предварительного следствия» [20, с. 38].

Между тем правовые реалии таковы, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит множество норм, предусматривающих ограничения в распространении информации для определенной категории лиц, способных противодействовать расследованию преступлений. Так, ч. 4 ст. 96 УПК РФ регламентирует порядок сохранения в тайне в интересах предварительного расследования факта задержания подозреваемого с согласия прокурора. Часть 9 ст. 166 УПК РФ предусматривает, что при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. Часть 8 ст. 183 УПК РФ регламентирует процедуру предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Часть 5 ст. 278 УПК РФ нормативно закрепляет возможность проведения допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. И наконец, сложно представить себе гласными уже упоминаемое выше следственное действие «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1).

На Украине законодатель пошел дальше и первым в странах СНГ легитимизировал негласные следственные действия, представив их классификацию в Уголовно-процессуальном кодексе. В.Ф. Луговик по этому поводу высказался следующим образом: «регламентация негласных следственных действий по-новому УПК Украины стала проявлением новой правовой идеологии и нового подхода к восприятию результатов негласной деятельности по борьбе с преступностью» [9, с. 28]. В настоящее время появились новые после-

дователи правовой позиции Украины по данному вопросу. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231 (далее – УПК РК) в гл. 30 ст. 231 предусматривает 10 видов негласных следственных действий.

Обеспечение негласности при производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий

Точкой соприкосновения оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса, в которой требования соблюдения негласности являются объективной необходимостью, является легализация оперативно-розыскных данных. На этом этапе необходимо комплексно оценить уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные меры по обеспечению негласности оперативно-розыскных сведений ограниченного распространения, так как в большинстве своем предпринимаемые меры по сокрытию подобных сведений от заинтересованных лиц на ранних стадиях уголовного и оперативно-розыскного процесса не только являются основой для мер обеспечения негласности на последующих стадиях, но и в целом позволяют достичь положительного результата в привлечении виновных в совершении преступлений лиц к уголовной ответственности.

Кроме того, уголовно-процессуальные процедуры обеспечения негласности на ранних этапах уголовного процесса применяются в период осуществления судебного разбирательства, что четко регламентировано соответствующими статьями УПК РФ. То же самое относится к оперативно-розыскным мерам обеспечения негласности, которые находят свое воплощение на всех этапах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Безусловно, необходимо понимать, что негласность в уголовном процессе и оперативно-розыскной деятельности позволяет достичь разных целей, решить индивидуальные задачи – именно в такой формулировке (целей и задач), так как негласность – это не самоцель, а средство достижения целей и решения задач. В уголовном процессе это за-

щита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ), а в оперативно-розыскной деятельности – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 закона об ОРД). Вместе с тем процедурно-процессуальные и тактические вопросы достижения негласности в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе имеют общую методологическую основу. Попытаемся раскрыть этот посыл.

Термин «негласность» и его функциональные составляющие

Словарь русского языка дает следующее толкование термина «негласный» – не известный другим, не явный, тайный [17, с. 394]. Тайна – это нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет [17, с. 787]. В широком смысле тайна – это сфера объективной реальности, скрытая от нашего восприятия или понимания [21, с. 5], нечто уже известное, но скрываемое от других [4, с. 52]. «Негласность» – недоступность для общественного ознакомления и обсуждения [16, с. 132]; неизвестность, неоглашение, неогласка [3, с. 355]. Иными словами, применительно к рассматриваемым видам юридической практики негласность представляет собой статическое состояние определенной системы (информации, деятельности и т. п.), скрываемой от заинтересованных лиц.

Основываясь на данном выводе, можно с уверенностью констатировать, что деятельность субъектов и участников оперативно-розыскного и уголовно-процессуального процесса, направленная на сокрытие от определенной группы лиц информации, способной нанести ущерб интересам раскрытия и расследования преступления (динамическая со-

ставляющая), – это процесс обеспечения негласности.

В оперативно-розыскной науке общепринятым считается тот факт, что негласность оперативно-розыскной деятельности обеспечивается путем применения определенных методов и средств конспирации [13, с. 25]. Безусловно, конспирация занимает главенствующее место в обеспечении негласности оперативно-розыскной деятельности. Сама она (конспирация) представляет собой активную, носящую исключительно организационно-тактический характер деятельность субъектов, осуществляющих оперативные функции по сохранению в тайне сведений ограниченного распространения. Именно этим она отличается от режима секретности, который характеризует исключительно организационно-правовой аспект оперативно-розыскной деятельности и носит исключительно односторонний характер, так как его обязаны соблюдать только сотрудники, допущенные к сведениям ограниченного распространения.

В узкопрофессиональном смысле конспирация – это маскировка информации с использованием специфических приемов: зашифровки, легендирования, имитации преступной деятельности. Обоснуем свою позицию.

Термин «маскировка» в военном деле определяется как «комплекс мероприятий, направленных на введение противника в заблуждение относительно наличия, расположения, состава, действий и намерений войск», а также «комплекс мероприятий, направленных на сокрытие своих войск от наблюдения противника или введение его в заблуждение». Применительно к оперативно-розыскной деятельности под маскировкой можно понимать введение в заблуждение лиц, способных использовать оперативно-розыскную информацию против интересов оперативно-розыскных органов (эта категория лиц определена нами выше).

Если взять за основу данное определение, то термины «легендирование», «зашифровка» и «имитация преступной деятельности» находятся в родо-видовом подчинении к термину «маскировка». Действительно, при осуществлении зашифровки личности мы вводим в заблуждение относительно факта сотрудничества лиц с оперативно-розыскными

ми органами, анкетных данных, места рождения, места работы, профессии и др. [2, с. 72] В свою очередь *легендирование* – это введение в заблуждение противоборствующей стороны с использованием легенды относительно различных обстоятельств объективной действительности. А *имитация преступной деятельности* – это создание искусственной модели реального противоправного поведения или его санкционированное совершение без прямого умысла. Иными словами, имитация преступной деятельности – это также введение в заблуждение противоборствующей стороны относительно возможности/способности конкретного лица совершить преступление в целях завоевания доверия.

Не вдаваясь подробно в вышеприведенные составляющие конспирации, отметим лишь, что маскировка как способ достижения негласности не является исключительно «ордэшной». Она характерна для тактических действий следователя в условиях допроса подозреваемого при отсутствии полной совокупности доказательств о его причастности к преступлению. В этой ситуации «косвенные, второстепенные вопросы уместны и как средство *маскировки* подлинных устремлений следователя» [5]. Кроме того, маскировка как способ сокрытия информации от окружающих используется при обеспечении безопасности участников уголовного процесса. В частности, *маскировка* свидетеля с помощью грима, использование модулятора голоса и иных технических средств [6], а также «маскировка» роли свидетеля в процессе доказывания путем его гласного допроса о малозначительных обстоятельствах преступления и допроса под псевдонимом об обстоятельствах, избличающих виновного в совершении преступления [1].

Следователь при подготовке к сложному опросу, когда прогнозируется открытое или тайное противодействие будущего собеседника, может планировать использование такого тактического приема, как легендирование цели опроса [8]. По мнению А. Халикова, «в случае явной опасности для свидетелей следователь должен принять меры для сокрытия (легендирования) данных о личности свидетеля в порядке ст. 11 УПК РФ» [22]. В свою очередь Ю. Овчинников в своей работе гово-

рит о легендировании участия понятых в уголовном процессе: «Поскольку юридическое сообщество перестает видеть в участии понятых реальный смысл, оно начинает снисходительно относиться к случаям легендирования их участия» [15].

И это неудивительно, так как легендирование – это один из эффективных способов создания благоприятных условий для решения тактических задач определенной деятельности (будь то оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной или административно-правовой) путем доведения до противоположной стороны вымышленных или искаженных сведений.

Интересно, что и «зашифровка информации» является широко используемым тактическим приемом следователя. Так, по мнению О.В. Трубкиной, наиболее эффективными приемами устранения конфликтных ситуаций являются приемы логического воздействия, такие как зашифровка истинных целей допроса при сокрытии от преступника осведомленности следователя об истинных обстоятельствах уголовного дела [19, с. 21–22].

Необходимо отметить, что наряду с конспирацией и режимом секретности в оперативно-розыскной деятельности важное значение приобретает такое средство достижения негласности, как ограничение доступа и неразглашение информации, не составляющей государственной и служебной тайны, но способной рассекретить силы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности. Это так называемая фоновая информация, к которой можно отнести факт знакомства тех или иных лиц между собой, доведение информации до преступников с использованием конфиденциальным сотрудником профессионального сленга работников полиции, проявление негативных эмоций на факты совершения преступлений и иные поступки и т. д. Дать полный перечень подобной информации невозможно, она многогранна и многоаспектна. Каждый субъект при прогнозировании своих действий должен понимать, насколько разглашение тех или иных сведений может повредить безопасности лиц, оказывающих содействие проведению оперативно-розыскных мероприятий, использованию их результатов в уголовном процессе.

Выводы

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что Рубикон накопления информации о методах, силах и средствах достижения негласности в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности пройден. Пора прислушаться к потребностям оперативно-розыскной и следственной практики и синтезировать новую частную теорию негласности расследования и раскрытия преступлений, которая позволит эффективно развивать законотворческий процесс и оперативно-служебную деятельность по обозначенным нами направлениям. Основой предлагаемой частной теории, полагаем, могут стать исследования, проведенные автором данной статьи и изложенные в монографии «Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности» [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусницын, Л. В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства / Л. В. Брусницын. – М. : Юстицинформ, 2009. – 304 с.
2. Гусев, В. А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика / В. А. Гусев. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2014. – 127 с.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I. А–З. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
4. Дворников, А. А. К вопросу о понятии «тайна» в уголовном праве / А. А. Дворников // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. Вып. 11. – Омск : Изд-во Омской академии МВД России, 2004. – С. 52–57.
5. Еникеев, М. И. Следственные действия: психология, тактика, технология / М. И. Еникеев, В. А. Образцов, В. Е. Эминов. – М. : Проспект, 2011. – 216 с.
6. Кобцова, Т. С. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: постановки / Т. С. Кобцова, П. В. Кобцов, А. Б. Смушкин. – Подгот. для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2006.
7. Колосович, М. С. Негласная деятельность по уголовному делу / М. С. Колосович // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2. – С. 138–145.
8. Корж, В. П. Тактика опроса лиц – носителей криминалистически значимой информации об организованной преступной деятельности в сфере экономики / В. П. Корж // Российский следователь. – 2010. – № 7. – С. 23–26.
9. Луговик, В. Ф. Негласность расследования и оперативно-розыскная деятельность / В. Ф. Луговик // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2014. – № 1 (3). – С. 27–29.
10. Луговик, В. Ф. Оперативно-розыскное законодательство и перспективы его совершенствования / В. Ф. Луговик // Оперативно-розыскное право: сб. науч. ст. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – С. 79–104.
11. Мазунин, Я. М. О введении результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания / Я. М. Мазунин // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Омск : Омский юридический институт, 2010. – С. 50–62.
12. Нагиленко, Б. Я. О понятии результата оперативно-розыскной деятельности / Б. Я. Нагиленко // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 4. – С. 21–26.
13. Нагиленко, Б. Я. Понятие оперативно-розыскной деятельности: содержание и правовое регулирование / Б. Я. Нагиленко, Т. В. Астишина, Т. В. Косарева. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2010. – 109 с.
14. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : закон Рос. Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 : (ред. от 2 июля 1992 г.) // Российская газета. – 1992. – 29 апр.
15. Овчинников, Ю. Актуальные вопросы института понятий в уголовном процессе Российской Федерации / Ю. Овчинников // Уголовное право. – 2008. – № 2. – С. 108–112.
16. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Оникс, мир и образование, 2007. – 1200 с.
17. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1995. – 908 с.
18. Павличенко, Н. В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности / Н. В. Павличенко. – М. : Амалданик, 2016. – 186 с.
19. Трубкина, О. В. Использование психолого-криминалистического портрета мошенника, посягающего на материальные интересы страховых компаний, при производстве допросов в условиях конфликтных ситуаций / О. В. Трубкина // Российский следователь. – 2015. – № 15. – С. 21–23.
20. Ургалкин, А. С. Причины необходимости применения гласной модели предварительного следствия в России / А. С. Ургалкин // Российский следователь. – 2009. – № 23. – С. 37–39.

21. Фатъянов, А. А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды / А. А. Фатъянов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 5–14.
22. Халиков, А. Расследование преступлений экстремистского характера / А. Халиков // Законность. – 2006. – № 8. – С. 16–18.

REFERENCES

1. Brusnitsyn L.V. *Kommentariy zakonodatelstva ob obespechenii bezopasnosti uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva* [Commentary on the Legislation on Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2009. 304 p.
2. Gusev V.A. *Prava operativnykh podrazdeleniy politzii: zakonodatelstvo i praktika* [The Rights of Operational Police Units: Legislation and Practice]. Moscow, Izd. dom Shumilovoy I.I., 2014. 127 p.
3. Dal V. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. T. I. A–Z* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. I. A–Z]. Moscow, Gos. izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1955.
4. Dvornikov A.A. К вопросу о понятии «тайна» в уголовном праве [On the Issue of the Concept of “Mystery” in Criminal Law]. *Podkhody k resheniyu problem zakonotvorchestva i pravoprimereniya: sb. nauch. tr. Vyp. II* [Approaches to Solving Problems of Law-Making and Law Enforcement: Collected Scientific Articles. Iss. 11]. Omsk, Izd-vo Omskoy akademii MVD Rossii, 2004, pp. 52-57.
5. Enikeev M.I., Obratsov V.A., Eminov V.E. *Sledstvennye deystviya: psikhologiya, taktika, tekhnologiya* [Investigative Actions: Psychology, Tactics, Technology]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 216 p.
6. Kobtsova T.S., Kobtsov P.V., Smushkin A.B. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 20 avgusta 2004 g. № 119-FZ «O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva»: postateynnyy* [Commentary to the Federal Law of August 20, 2004 no. 119-FL “On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings”: Itemized]. Access from *KonsultantPlyus* reference legal system.
7. Kolosovich M.S. Neglasnaya deyatelnost po ugovolnomu delu [Tentative Activity on the Criminal Case]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2016, no. 2, pp. 138-145.
8. Korzh V.P. Taktika oprosa lits – nositeley kriminalisticheskoi znachimoy informatsii ob organizovannoy prestupnoy deyatelnosti v sfere ekonomiki [The Tactics of Interviewing Persons – Carriers of Forensic Information on Organized Criminal Activity in the Sphere of Economics]. *Rossiyskiy sledovatel*, 2010, no. 7, pp. 23-26.
9. Lugovik V.F. Neglasnost rassledovaniya i operativno-rozysknaya deyatelnost [Tentative Nature of Investigation and Operational-Search Activity]. *Pravovaya mysl v obrazovanii, nauke i praktike*, 2014, no. 1 (3), pp. 27-29.
10. Lugovik V.F. Operativno-rozysknoe zakonodatelstvo i perspektivy ego sovershenstvovaniya [Operational-Search Legislation and Prospects for Its Improvement]. *Operativno-rozysknoe pravo: sb. nauch. st.* [Operational-Search Law: Collected Scientific Articles]. Volgograd, VA MVD Rossii, 2013, pp. 79-104.
11. Mazunin Ya.M. O vvedenii rezultatov operativno-rozysknoy deyatelnosti v protsess dokazyvaniya [On the Introduction of the Results of Operational-Search Activity in the Process of Proof]. *15 let Federalnomu zakonu «Ob operativno-rozysknoy deyatelnosti»: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* [15 years of the Federal Law “On Operational-Search Activity”: Collection of Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Omsk, Omskiy yuridicheskiy institut Publ., 2010, pp. 50-62.
12. Nagilenko B.Ya. O ponyatii rezultata operativno-rozysknoy deyatelnosti [On the Concept of the Result of Operational-Search Activity]. *Operativnik (syshchik)*, 2006, no. 4, pp. 21-26.
13. Nagilenko B.Ya., Astishina T.V., Kosareva T.V. *Ponyatie operativno-rozysknoy deyatelnosti: soderzhanie i pravovoe regulirovanie* [The Concept of Operational-Search Activity: Content and Legal Regulation]. Domodedovo, VIPK MVD Rossii, 2010. 109 p.
14. Ob operativno-rozysknoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii: zakon Ros. Federatsii ot 13 marta 1992 g. № 2506-1: (red. ot 2 iyulya 1992 g.) [On the Operational-Search Activity in the Russian Federation: the Law of the Russian Federation of March 13, 1992 no. 2506-1: (amend. of July 2, 1992)]. *Rossiyskaya gazeta*, 1992, April 29.
15. Ovchinnikov Yu. Aktualnye voprosy instituta ponyatykh v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii [Current Issues of the Institution of Witnesses in the Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*, 2008, no. 2, pp. 108-112.
16. Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Oniks, mir i obrazovanie Publ., 2007. 1200 p.
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 1995. 908 p.
18. Pavlichenko N.V. *Pravovye i teoreticheskie problemy obespecheniya neglasnosti v operativno-rozysknoy deyatelnosti* [Legal and Theoretical

Problems of Securing Privacy in Operational-Search Activity]. Moscow, Amaldanik Publ., 2016. 186 p.

19. Trubkina O.V. Ispolzovanie psikhologo-kriminalisticheskogo portreta moshennika, posyagayushchego na materialnye interesy strakhovykh kompaniy, pri proizvodstve doprosov v usloviyakh konfliktnykh situatsiy [The Use of Psychological and Forensic Portrayal of a Fraudster Encroaching on the Material Interests of Insurance Companies, in the Production of Interrogations in Conflict Situations]. *Rossiyskiy sledovatel*, 2015, no. 15, pp. 21-23.

20. Urgalkin A.S. Prichiny neobkhodimosti primeneniya glasnoy modeli predvaritelnogo sledstviya v Rossii [Reasons for the Use of Public Model of the Preliminary Investigation in Russia]. *Rossiyskiy sledovatel*, 2009, no. 23, pp. 37-39.

21. Fatyanov A.A. Tayna kak sotsialnoe i pravovoe yavlenie. Ee vidy [Secret as a Social and Legal Phenomenon. Its Types]. *Gosudarstvo i pravo*, 1998, no. 6, pp. 5-14.

22. Khalikov A. Rassledovanie prestupleniy ekstremistskogo kharaktera [Investigation of Crimes of an Extremist Nature]. *Zakonnost*, 2006, no. 8, pp. 16-18.

Information about the Author

Nikolay V. Pavlichenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head, Russian MVD Administration Academy, Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh St., 8, 125171 Moscow, Russian Federation, aldan1973@rambler.ru.

Информация об авторе

Николай Владимирович Павличенко, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, Академия управления МВД России, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация, aldan1973@rambler.ru.